

Кризис архетипа «сверхчеловек конформистский» в художественной культуре XXI века

Научный руководитель – Чистова Анастасия Дмитриевна

Фадеев Иван Валерьевич

Студент (магистр)

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт философии человека, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: don.vano-15@yandex.ru

В науке можно выделить два подхода к определению концепта «сверхчеловек» в художественной культуре, исходя из трактовки приставки «сверх-»: подход, представленный в современных исследованиях В. Самохваловой [6, с. 12] и подход, представленный Д. Беляевым. В исследовании используется сущностный подход, представленный вторым ученым. Д. Беляев определяет сверхчеловека в пространстве культуры как образ человека, преодолевшего предел человеческих возможностей в рамках своей историко-культурной реальности [3, с. 13]. Пределы дифференцируются Д. Беляевым как биологический, социокультурный и аксиологический. При общей спорности разделения социокультурного и аксиологического предела, обозначенная структура используется для дальнейших исследований исторических форм выражения концепта.

Среди разных исторических форм «сверхчеловека» в художественной культуре выделяется подтип «сверхчеловека конформистского», что характеризуется преодолением «биологического предела» без последующего преодоления «аксиологического», отличный конформистской моделью поведения, идущей в разрез с общими принципами моделирования способа мышления данного существа, концептуализированного еще Ф. Ницше [5, с. 292–293]. Произведения с данным архетипом существовали в массовой и традиционной культуре всегда, выступая выражением консенсусного типа защитника устоявшихся правил и норм, «нормальности», примерами могут быть архетипы «богатыря» [1, с. 1] и «супергероя» [2, с. 35]. Необходимо отметить, что «сверхчеловек конформистский» зачастую противостоит образу, что либо преодолел аксиологический, как следствие, и социокультурный предел, призывает к этому остальных, либо находится в неконформистской позиции по отношению к доминирующим культурным формам. Первая форма врага, таким образом, отсылает к первоначальному концепту «сверхчеловека» Ф. Ницше.

В начале XXI в. художественные произведения с данным подтипом пережили взлет интереса публики в поп-культурных, массовых жанрах, что сменился кризисом уже к концу 2010-х. «Сверхчеловек конформистский» вытесняется, согласно оценкам, «более взрослым» подтипом «ницшеанского сверхчеловека» или вовсе критикуется и деконструируется. На уровне конкретных образов это выражается в кассовых провалах и творческих застоях киновселенных «Marvel», «DC Comics», «Dark Universe» и сопряженных с ними продуктов, а также в ряде неудач более мелких кампаний создать и/или возродить свои собственные супергеройские или фэнтезийные вселенные, в переходе пальмы первенства к проблематике «Invincible», «The Boys», «Гори, Гори ясно!» или новых прочтений «Хранителей» или «Возвращения Темного Рыцаря».

Процесс взлета интереса часто оценивается лишь через призму развития технологий, что позволили в полной мере продемонстрировать сверхсильных супергероев, героев фэнтези, научной фантастики, космических опер и т.д. сначала в кинематографе и мультипликации, а позже и в видеоиграх. Реализм отображения повлиял на рост уровня «погружения» и, как следствие, повысил интерес более широких кругов зрителей к продуктам.

Поскольку реализация требовала высокий уровень капиталовложения при производстве продукта, инвесторы продвигали более медийную и доступную для широкой публики форму. Вследствие этого, кризис интереса, исходя из этой парадигмы, рассматривается как исключительно признак перепроизводства и креативного застоя.

Однако тенденцию можно связать с попытками культуры поиска новых способов терапевтичности в состоянии «постпостмодернизма», что сменяется накатывающимися «кризисными ситуациями», маркирующими после теракта 09/11 необходимость возвращения в «реальность», описанное С. Жижекком [4, с. 41–42], или переходом к новым постгуманистическим или объектно-ориентированным формациям. При глобальном рассмотрении обе точки зрения выступают симптоматикой перехода от постмодернистских художественных практик к трансмодернистским. На уровне популярной культуры структурные подвижки в системе производства художественного продукта могут быть временной реакцией, в особенности, в намечающемся традиционалистском повороте, что предрекают многие мыслители, а может, напротив, оказаться постоянным явлением, существовать как реакция-сублимация на обозначенный поворот.

Источники и литература

- 1) Беляев, Д. А. Былинно-героический концепт "богатырь" как локальный вариант экспликации концепта "сверхчеловек" в отечественной культуре / Д. А. Беляев // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 2. — С. 459. — EDN RXUSXD.
- 2) Беляев, Д. А. Концепт "супергерой" как локальный вариант модели сверхчеловека в актуальном пространстве массовой культуры / Д. А. Беляев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. — 2013. — № 2(20). — С. 35–42. — EDN RSSTCP.
- 3) Беляев, Д. А. Философское определение сверхчеловека / Д. А. Беляев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2014. — Т. 14, № 3. — С. 9–13. — EDN TFULWR.
- 4) Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / Пер. с англ. А. Смирного — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. — 160 с.
- 5) Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Фридрих Ницше ; пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой, С. Франка. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 768 с.
- 6) Самохвалова, В. И. Сверхчеловек: образ, метафора, программа / В. И. Самохвала ; Российская акад. наук, Ин-т философии. - Москва : Ваш формат, 2015. - 400 с.